

АННА БОРОДИНА

2328

Deus ex
Machina

Анна Бородина
2328 Deus ex Machina

«Издательские решения»

Бородина А.

2328 Deus ex Machina / А. Бородина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969557-4

История, которую я хочу рассказать, произошла со мной в 2300-х годах. Я не буду пока объяснять, каким образом это возможно, но это уже прожито, и не настолько важно, прожито ли это на самом деле, важна суть. Речь пойдёт о будущем. Совершенно необязательно, что будущее хоть примерно будет таким, каким я его описала. Однако информация о таком варианте развития событий есть.

ISBN 978-5-44-969557-4

© Бородина А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Nosce te ipsum	7
Эпизод 1. Первая встреча	8
2328	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

2328 Deus ex Machina

Анна Бородина

© Анна Бородина, 2019

ISBN 978-5-4496-9557-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

История, которую я хочу рассказать, произошла со мной в 2300х годах. Я не буду пока объяснять, каким образом это возможно, но это уже прожито, и не настолько важно, прожито ли это на самом деле, важна суть.

Любая история, которую мы хотим услышать, либо же сами поведать, всегда сводится к сути. Поэтому с сути я и начну.

Nosce te ipsum

Мой день проходил на природе. Вдали от цивилизации я размышляла о вопросах бытия, и ответы часто приходили ко мне в сновидениях. Чаще всего эти ответы были настолько непредсказуемы, что заставляли меня не раз удивляться тому, откуда вообще они взялись.

Я размышляла над своими сновидениями и уже наяву вспоминала то, что было глубоко сокрыто в них. В памяти всплывали картины из сновидений, раскрывалась всё новая информация.

И вот одно из сновидений, о котором я хочу вам рассказать. Оно было дано мне как ответ, я видела серию из снов в течение нескольких дней.

Речь пойдёт о будущем. Совершенно необязательно, что будущее хоть примерно будет таким, каким я его описала. Однако информация о таком варианте развития событий есть.

Эпизод 1. Первая встреча

2328

Мы стояли на втором этаже здания, в комнате, похожей на какую-то танцевальную студию – вокруг везде были зеркала. Перед нами стоял командир взвода, а рядом с ним его заместитель. Командира мы все считали за деда за его боевой настрой и характер – никто в наше время уже давно не горел энтузиазмом надрать кому-то зад. Но дед родился в пятидесятых, и для него это было вполне нормальное явление. Мы стояли и молча слушали, как он, нацепивший одежду старых времён, с парадными аксельбантами, и оружием старого образца (раритет, ещё с деревянным прикладом), носился меж нами, брызгая слюной и мотая головой. Может это выглядело бы не настолько дико для предыдущих поколений, но нам это казалось совершенно устаревшим. Незачем кричать, когда всё можно объяснить спокойно.

В наших рядах господствовал минимум эмоциональности. Мы прекрасно понимали, о чём он говорит, но с некоторыми вещами не могли согласиться внутренне. И я понимаю, что каждую долю секунды проведённого с ним времени мы осознавали наперёд практически всё, что он скажет. Но не уставали удивляться его необычному образу.

Всё-таки он – единственный, кто остался в наше время из стариков. Человек, не полагавшийся первоочередно на новое вооружение и новую экипировку. Считавший, что главное оружие – это ты собственной персоной. А именно – твоя способность мыслить и реакция натренированного тела. И за это мы его безмерно ценили, и уважали, как личность, поскольку само по себе сражение с роботами – это ведь сумасшествие, а ещё и без соответствующей экипировки – так и подавно.

Почему он надел аксельбанты и взял это раритетное оружие, нам тоже было известно, как и почему он так эмоционально кричал – мы все понимали, что это будет его последний бой. Он сам избрал для себя этот путь. Математически-интуитивно я рассчитала шанс на его выживание – он равен двум процентам. И это при удачном стечении обстоятельств. Я инстинктивно отрицательно покачала головой – не может он выжить с таким устремлением. С таким устремлением все шансы на выживание перекрывает героизм и желание погибнуть героем. Уверена, каждый из взвода понимал это.

Всё же я не могу сказать, что этот человек был слишком консервативен – скорее он хотел охватить все эпохи, отдавая дань уважения прошлому. Ведь форма цвета хаки из одной только натуральной ткани была актуальна для маскировки под природу, но зато полагаю, ощущения на теле были от неё простыми и приятными. Обоюдоострый меч был у него за спиной (с левой стороны), а рядом с ним с другой стороны располагался самый простой образец современного оружия.

Ни один мускул в нас не пошевелился, чтобы выразить гримасу сопереживания, ни один нерв не вызвал в нас реакции сочувствия – только холодная логика господствовала в наших разумах. Это ни плохо, ни хорошо, это факт. Всё, что мы можем сделать с фактами – принять их к сведению, и взаимодействовать с реальностью, исходя из полученных данных и сделанных выводов.

До сих пор не знаю, такое у нас воспитание, либо осознанность, заложенная в нас генами, со временем и опытом преобразованная в более модифицированную версию, либо ещё ко всему добавлено влияние наших биокостюмов. Кто знает, какой из этих факторов сыграл решающую роль в нашем восприятии? Копаться в этом нет смысла, как подсказывает интуиция. Единственное, что я знаю – это состояние прекрасно. Никаких переживаний, от которых в прошлом у людей могли происходить неполадки со здоровьем и боли в сердце.

Это вовсе не означает, что мы бесчувственные. Мы способны испытывать эмоции, но как только логика сообщает нам, что переживание эмоций не приведёт к разрешению какой-либо задачи, эти эмоции тут же утихомириваются. Поэтому с виду мы кажемся напрочь лишёнными эмоций. Ведь эмоции – это сжатый информационный опыт. Большинство реакций уже выведено, и записано в генной памяти, следовательно, нет причин заново проходить одно и то же. Не всегда, но в подавляющем большинстве случаев, известных мне.

«...Вы должны уничтожить их полностью! Ни одно существо не должно остаться, знайте – останется хоть один – и у вас нет шансов на нормальное будущее!»

Последнее предложение он прокричал с особой силой. До сих пор помню интонацию, с которой он прокричал эти слова.

Уничтожить полностью... Вот, что отвергала наша внутренняя суть. Внутренняя суть говорила нам не щадить себя, осваивая новое. Никто ни на секунду не задумался бы дойти до полусмерти, осваивая новые навыки, дабы иметь возможность дать отпор выжившим; но уничтожить другого полностью, не разобравшись в его сути, нам не позволяла наша совесть. Ведь единственный закон, который мы не могли преступить – поиск истины. Истина – это мать жизни.

Заместитель командира имел вид также воинственный и суровый, но предпочитал наблюдать и молчал, готовый в любую секунду отскочить из-под горячей руки командира, который, уже понимая, что от нас толку мало, перешёл было на рукоприкладство и дикий вой. Тумаки достались четырём воинам, но они продолжали стоять, опираясь на свою совесть. Хотя им, разумеется, было больно, и они были в состоянии повышенного уровня адреналина.

На улице прогремело дважды. Все мы поняли – наступил час икс. Командир вновь прокричал, но на этот раз в его голосе был призыв. Он активно замахал руками, подгоняя нас к выходу. Стало слышно, как часто стучит сердце, но только первую минуту. Всё-таки мы люди, и начало любой операции всегда оставалось и остаётся для нас волнительным. С каждым вздохом и шагом ритм сердца нормализовывался, хотя волнение оставалось неизменным атрибутом нашей специальности.

Мы сбегали вниз по внешней винтовой лестнице, на улице был вечер. Вокруг нас – я бы сказала парк – довольно просторные аллеи, но не сильно освещённые. Комфортный для глаз свет, не очень частые лампы. Местами было даже темновато, видны только силуэты кустов. Однако на освещённой местности видно всё достаточно неплохо. Не знаю, так ли задумывалось изначально освещение, у меня нет суждений по этому поводу.

Как только ноги мои коснулись земли, я тут же соединилась с четырьмя членами моей группы. Эта связь осуществляется вспомогательно благодаря биокостюмам, либо психическим способностям, и она сродни тому, как если бы каждый из нас чувствовал местонахождение друг друга и передавал мыслительно действия, которые собирается предпринять в ближайшую секунду. Это не процесс активного мышления, а некое подобие нейронной связи (уверена, можно найти и сегодня похожие технологии). Я сзади, один справа и чуть спереди, второй слева прикрывали меня, третий ещё правее и ещё чуть спереди первого. Я корректирую последнего – «слишком далеко отошёл». Отвечает: «осознаю, под контролем, прикрываю». Так между нами состоялось общение, длиной может в несколько миллисекунд.

В любом случае ответственность за успех координированных действий лежит на командире отряда, и в этом смысл профессионализма – точно выявить, какие коллективные действия необходимо предпринять для успеха.

В наше время ключевой боевой единицей являются отряды. Я – заместитель командира отряда. Мне 23 года.

Командир отряда – молодой человек, выражаясь современными словами; ему, кажется, 19. Он юн, но интуитивней и интеллигентней человека, так взвешенно принимающего решения, я не видела. В каком-то смысле он идеален для этой работы. Хотя я не склонна идеализи-

ровать людей. (Может это из-за того, что большую часть времени он молчит? Любого человека красит молчание.)

По большому счёту он полагается на мои логические решения в бою, так как боевого опыта больше у меня. Возможно, прозвучит смешно для нынешних людей. Однако своей работой я занимаюсь с 16ти лет.

И совершеннолетие мне было присвоено именно в этом возрасте. В наше время совершеннолетие не закреплено за каким-то одним возрастом, его присваивают тогда, когда ты готов сдать экзамен. Он так и называется: «Экзамен на совершеннолетие». Не многие сдают его до двадцати лет. Насколько я знаю, самым юным человеком, который сдал этот экзамен, была 14-летняя девушка. Командир сдал свой экзамен в 18, так собственно, он и поступил к нам.

Для таких, как я, слишком рано приступивших к должности, экзамен проходит несколько в укороченном виде, и нам обязательно необходимо его проходить в дальнейшем в полном виде. Однако право выбора времени сдачи остаётся за нами. Мы можем сдать его в удобное для нас время, так сказать, когда не горят дела в мирской жизни, и отсутствуют военные конфликты. Про экзамен можно говорить долго, я опишу, как он проходит, позже, а пока сосредоточимся на текущем действии.

В нашем отряде позицию командира в бою фактически занимала я. Сейчас помню, что всё, что делал действующий командир – жадно извлекал опыт из наших операций. Я доверяла ему, он – мне. За всё время только однажды он «громко» вмешался в нашу деятельность, когда двоим из нашего отряда (мне в том числе) одновременно грозила гибель. Он успел вовремя уничтожить тех, кто хотел уничтожить нас.

Меня и товарища действительно покровисало, но мы выжили. Всё, что помню – перед глазами какие-то полыхающие огни, которые непонятно, откуда исходят – из этого мира либо же это глюки моего зрения от полученного урона. Через секунду помню, посмотрела направо и увидела свою окровавленную руку. И только после этого почувствовала боль... Конечно, это мозг выдал мне мою боль после того, как я увидела кровь.

Вы замечали, что бывает так, что вы получили какое-то ранение, и почувствовали больше боли после того, как увидели его и, например, ужаснулись, что ранение-то сильнее, чем вы думали? В такие моменты, словно подтверждая наши мысли, мозг начинает посылать болевые импульсы в повреждённую часть тела. И за это ему спасибо, иначе так адекватно можно мало что чувствовать, поскольку...

Костюм всегда реагирует на ранение впрыскиванием обезболивающего аэрозоля, дозировка которого определяется автоматически. Количество обезболивающего определяется двумя факторами. Первый – степень повреждения костюма. И второй – психоэмоциональные характеристики владельца.

Товарищу досталось больше – он упал и не может подняться. Я не помню, что произошло. Забыла всё, что там было, помню только своё эмоциональное состояние и панику при виде окровавленного товарища... Мы спаслись. Хотя этого товарища больше в моём отряде нет. Мой отряд – это шесть человек. Почему именно шесть? Выявлено, что оптимальный размер группы, которой наиболее эффективно можно командовать – это шесть человек.

Слева я видела, что на нас двигаются роботы, атакуя нас собственными руками – их руки заканчивались многофункциональным преобразователем, основа которого заложена также в принцип работы нашего оружия.

Мы двигались быстро, но осторожно, постоянно фиксируя количество и расположение роботов. Они на удивление не крушили всё подряд, а действовали выборочно, и атаковали только тех, кто мешал им пробираться к одному зданию, которое нам необходимо было защитить. Здание это было расположено под парком, и немногие из людей знали об этом. В то время как роботы как раз прекрасно знали это место – ведь оттуда они и вышли впервые.

Память обрывками доносит до моего сознания то и дело всплывающие картины, знаменующие события прошлого.

Неподвижно стоящие роботы, выстроенные в колонну, движутся по эскалатору откуда-то из подземного туннеля, выходящего наружу. Я вижу около двадцати. Скольких же уже выпустили? И почему они стоят неподвижно? Сошедшие с платформы, они словно оживали.

Сложный механизм посередине, трансформирующий их тело. В нём чувствуется мощь.

Со стороны роботов не ощущается агрессии – только любознательность.

Да, это то самое здание, откуда они вышли. Вот, куда они стремились.

Несмотря на то, что конкретно нашей группе не были известны мотивы, для чего им необходимо попасть туда, мы выполняли приказ вышестоящих – не допустить проникновения роботов в зону, прилегающую к зданию.

Вернее... Миссия конкретно нашего подразделения заключалась в том, чтобы поддерживать общественный порядок – не допускать паники и выводить людей из опасной зоны. Паники, конечно, не допускать крайне тяжело, поскольку нас слишком мало для такой операции. И почему только несколько отрядов было задействовано в этой операции? Многие из действий вышестоящих не укладывались в моей голове. Поэтому я старалась не рассуждать на эти темы и максимально сосредоточиться на своём задании. Мне нравилась моя работа, потому что в наше время быть военным – это чуть ли не единственная возможность раскрыть свой потенциал в тех направлениях, которые давали реализацию моим способностям и качествам моего характера. Иными словами – лучше для меня работы не найти.

Впереди нас был небольшой освещённый участок, виднелись кроны деревьев и лавочки, очень похожие на те, что были ещё три сотни лет назад. Всё-таки есть в этом мире неизменные вещи.

Наши люди отстреливались от роботов, часть урона от оружия благополучно поглощалась костюмами – это ещё одна из основных функций костюмов. Отражалась эта энергия только частично, большая же часть (около 70%) поглощалась и распределялась по поверхности костюма. Это, пожалуй, самая дорогостоящая функция костюма. Таким образом, маломощное оружие не могло причинить никакого вреда нашим костюмам.

Секрет успеха действий – в воле. Усилие воли – самое драгоценное качество, которым обладает каждый человек.

Если у нас был только один преобразующий модуль (наше оружие), у роботов же было их для начала как минимум два – ведь они человекоподобны и у них есть по две руки (разумеется, я говорю об их человекоподобном облике). Однако человекоподобны они во всём – не каждый настраивал свою вторую руку для стрельбы. Большинство стреляло только из одной. Они хотели уравнивать себя с нами?

Вы спросите, почему так? Миссия всех и каждого в наше время – познание истины. Великий секрет жизненного успеха заключается в этом. Наиболее успешен тот, кто строит свою жизнь в соответствии с истиной. Всё остальное, как видите, никуда не делось даже спустя триста лет... Банально, но между людьми и роботами... Война. Однако скоро эта война закончится. Вместе со смертью старого мировоззрения, которым некогда обладали от страха те, кто боялся потерять власть.

Если существует свободный вдох в этой Вселенной, то он пришёл именно с этим пониманием. Не с первого раза, людям пришлось долго совершенствовать своё мировоззрение, но в конце концов, с этим осознанием они стали по-настоящему свободны и счастливы. Ведь раньше даже понятия этих слов им не были до конца открыты.

Роботы, как и люди по своей сути, трансформеры. Только у людей основная часть трансформаций происходит на уровне энергий.

Была у роботов ещё одна форма – они пользовались ею, когда наступала ситуация, при которой не хватало одной пары рук, не хватало мощности в обычном режиме, и необходимо

было её увеличить. В человеческом варианте это называется воодушевление, или нечто схожее. Вы можете представить себе, как выглядели бы человеческие энергии в этом состоянии, уплотнились они в материю? Скоро я опишу, как это выглядело на примере роботов.

Поочерёдно отстреливаясь от роботов, мы вновь и вновь сталкивались с новыми группами. Они не хотели калечить нас или убивать, они хотели пробраться туда, куда им было запрещено пробираться. И так вышло, что мы стояли у них на пути.

Я не знаю, сколько времени прошло, когда роботов стало слишком много. Вокруг меня не осталось ни одного бойца. Я увидела прячущуюся за деревом беременную женщину, и неподалёку, метрах в двадцати, около скамейки девочку двенадцати лет. Я подбежала к ним по очереди, давая понять, что я хочу их объединить и спасти.

Куда подевались все воины? Я помню своё негодование, и беспомощность. К сожалению, мы оказались на пути к тому самому зданию, к которому стремились роботы. Я тщетно надеялась не привлекать внимания. Однако мы стали жертвами обстоятельств. Роботы атаковали нас.

Порядка пятнадцати роботов слева надвигались на нас со скоростью человеческой трусцы, они были метрах в двадцати пяти, чуть дальше тех, кто был справа. Самым ближним до нас оставалось каких-то восемь метров. Перемещаться бегом с нужной для отрыва скоростью ни женщина, ни девочка не могли. Бросить их я также не могла. Взять обоих на себя тоже была не в состоянии – я почувствовала, что беременная не хочет куда-то убегать. Мне не оставалось ничего иного, кроме как удерживать позицию.

В наше время все мы могли общаться мыслями, эманации наши были особенно обострены в критических ситуациях. Слова при этом никто не отменял, разумеется. Они служили точности изъяснений.

С помощью своей психической энергии я активировала поле радиусом три метра. Это поле представляло собой сферу с хаотично разбросанными микроскопическими чёрными дырами, втягивающими в себя часть пространства, и замедляющими время внутри нашего кокона. Дыры сознанием необходимо удерживать на заданных местах. Весь мой мозг был поглощён этим процессом (хоть он по большей части и подсознательный), руки задеревенели, голова стала тяжёлой, я помню обездвиженность своего тела и огромную скорость, с которой иссякала моя энергия. Я вмешалась в законы природы, исказив естественный ход времени и естественное состояние пространства, и закономерно получила тяжёлые последствия для своего состояния.

На самом деле во всех психических процессах участвует наша воля, и лишь в соответствии с ней выстраиваются энергоимпульсы мозга. Мне не приходится думать о каждой микрочёрной дыре – я бы сошла с ума от постоянного удержания громадного количества информации в своей голове. Всё это делало моё подсознание. Это естественная функция организма, управляемая подсознанием – направлять в нужное русло и удерживать востребованное количество психической энергии. Для её активации требуется усилие воли. Усилие воли – это поток, стремление, желание, неуступчивость.

Внутри нашего поля время шло как обычно, я посмотрела направо – роботы двигались, словно в очень сильно замедленной съёмке. Пока я удерживала поле, между девочкой и женщиной произошёл диалог.

Некоторое время девочка смотрела на женщину, на меня, и на обстановку в целом. Потом она сосредоточила своё внимание на женщине, и стала усиленно думать, так как умеют думать дети – без тени страха и сомнения. Все её движения выражали лёгкость, словно она сейчас была у себя дома и рассуждала, сидя с мамой на диване. «Какой смысл жизни?» – спрашивала девочка женщину. Обе они прекрасно осознавали происходящее, но несмотря на то, что скоро мог прийти конец, оставались в хорошем настроении.

Девочка была в силу возраста активно любознательна, поэтому в глазах её горела неподдельная искорка. Вот она, мудрость – в мгновениях жизни. Мне больше ничего не хотелось, кроме как чувствовать их состояние. Внутри меня был покой, и лишь воля удерживала моё сознание. Трудно сказать, сколько времени прошло в реальности, но в нашем куполе приблизительно прошло с полминуты.

Я услышала характерный звук, издаваемый компьютером, этот звук похож на пищание светофоров, которые мы знаем сегодня. Казалось, тело задеревенело, но по нему словно бежал холод и ток. Казалось, что эти вибрации по телу будут продолжаться бесконечно. Я сосредоточила всё своё внимание на них – так проще было справляться с перегрузкой. В голове была только одна мысль – держаться, держаться из последних сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.